

Он осторожно положил ее на кровать и продолжал благосклонно смотреть на нее сверху вниз. Все, что она могла сделать, это смотреть на него с почти невыносимой тоской. Оргазм, который она только что испытала, теперь казался ей древним воспоминанием, и она жаждала большего—и жаждала дать ему столько оргазмов, сколько сможет вытянуть из него. Он лег рядом с ней, затем лег на нее сверху, сначала разминая и целуя ее груди, которые, к ее огромной гордости, казалось, гипнотизировали его, а затем поднялся так, что его лицо нависло над ее лицом. Она уже раздвинула ноги, чтобы вместить его тело, и испустила тяжелый вздох удовлетворения, когда он вошел в нее.

На этот раз в его действиях не было ничего насильственного, и он двигался медленно и почти деликатно, вытянув руки во всю длину так, чтобы он мог продолжать обнимать ее лицо и грудь, достигая полного единения с ней. Его первые толчки были также нежными, и она обвила его ногами, но не так, чтобы препятствовать его движениям. Вскоре он полностью опустился на нее, и она наслаждалась ощущением его сильного, крепкого тела напротив своего, обхватив руками его шею в классической женской манере, когда он входил в нее своим членом с постепенно увеличивающейся силой и давлением.

Она никогда раньше не чувствовала такой близости с мужчиной—или с кем—либо и почти не могла справиться с этим. Она очень надеялась, что не упадет в обморок от пережитого, хотя ей было немного трудно дышать, когда его тело прижималось к ней. Или это были его настойчивые поцелуи, длящиеся иногда по несколько секунд, прежде чем он отрывал свои губы от ее, заставляя ее задышаться и вдыхать воздух с открытым ртом?

Она хотела, чтобы этот опыт длился вечно, но она знала, что этого не будет. Когда он начал стрелять своим семенем в нее, ощущение телесного слияния было полным, и она чувствовала такую трансцендентную эмоцию, которую она никогда не смогла бы описать за все деньги в мире. Он оставался в ней еще целую минуту после того, как его последние толчки прекратились, затем влажно вышел из нее и перекатился на спину.

У Марсии не было много времени, чтобы обдумать всю серьезность того, что только что произошло. Через несколько минут Грант сгреб ее в охапку и уложил на себя, причем пот на их обеих грудях заставлял ее слегка скользить. Несмотря на то, что теперь она была "наверху" (эта желанная должность, как она слышала, всегда была нужна мужчинам), она совсем не чувствовала себя хозяйкой положения. Вместо этого, когда Грант погладил ее по всему телу—плечам, ягодицам, бедрам—своими руками, он сказал ей на ухо:

-Я хочу войти в твою задницу."

Она боялась этих слов.

- О, Грант, - сказала она, желая, чтобы ее голос не звучал так жалобно, - это действительно больно в прошлый раз! Не думаю, что мне это нравится."

-Тебе просто нужно привыкнуть к этому, - мягко сказал он.

И с этими словами он оттолкнул ее от себя и направился в ванную, почти сразу же вернувшись с той роковой синей банкой. Марсию позабавила мысль о том, что Грант использует его на своем лице (надо же как-то снять этот макияж!), но она знала, что он вообще не использовал его на себе—и не использовал его на своем или чьем-либо еще лице.

Смирившись с неизбежным, она перевернулась на живот и терпеливо ждала, пока Грант нанесет на нее гладкую белую мазь, как маленькая девочка в кабинете врача. Он не стал тратить время на то, чтобы войти ей в зад, заставив ее задохнуться от неожиданности его

появления. Правда, это было немного менее больно, чем в первый раз на вечеринке с ночевкой—может быть, потому что она была по крайней мере немного более подготовлена к этому, а также немного меньше отвращалась от самого факта этого. На самом деле, он проскользнул прямо внутрь почти без боли—только немного дискомфорта.

Пока он колотил ее по задку, а его пах снова и снова шлепал по ее изящно изогнутому задку, Марсия впала в своего рода транс. Она вынуждена была признать, что эта процедура создавала необычное ощущение интимности, которого даже вагинальный секс не вызывал. Еще несколько недель назад она и представить себе не могла, что впустит мужчину в свое нижнее отверстие; Теперь же она почти приветствовала это как способ стать ближе—физически и эмоционально—к человеку, который все еще бесил ее своим своеволием, но который с каждой минутой становился все больше и больше в ее жизни.

Сначала он обхватил ее груди обеими руками, но постепенно скользнул одной рукой вниз к ее расщелине и начал медленно массировать ее. Она уже была влажной - как от ее соков, так и от его—и его забота только сделала ее еще более влажной, поскольку жидкость сочилась из нее, как медленно текущая река. И снова ее охватило чувство головокружения и головокружения, и каким-то образом он сумел совместить свой взрывной оргазм с ее собственным. Даже после того, как он закончил вливать в нее свою сущность, он оставался глубоко внутри нее, одной рукой прикрывая обе груди, а другой задерживаясь на ее дельте, чтобы выманить из нее последние изысканные остатки ее оргазма.

И снова он не ушел сразу, и снова Марсия надеялась, что он останется в ней навсегда. Но наконец он вышел, и хотя он пытался сделать это медленно, его действие вызвало тот единственный момент боли, который она испытала во всей этой процедуре.

- Ай, - рассеянно сказала она, глядя на гранта, который теперь лежал на спине рядом с ней. Он пристально смотрел в потолок, словно замороженный чем-то, что там увидел. Затем он вскочил с удивительной энергией и направился в ванную—без сомнения, чтобы тщательно вымыть свой член.

Но даже это не было концом, как начинала понимать Марсия. Долгий, томный сеанс из шестидесяти девяти человек привел к двум интенсивным оргазмам подряд для нее и, спустя почти полчаса, огромный поток его семени в ее рот. К этому времени она уже преодолела свою брезгливость при глотании его соков, и она наслаждалась густой, вязкой жидкостью, которая заполнила ее рот, а затем легко потекла вниз по горлу.

К этому времени она уже почти впала в коматозное состояние, и у нее едва хватило сил сказать: "о, Грант, а теперь мы можем пойти спать?"

Он бесстрастно посмотрел на нее, затем кивнул. "В порядке."

Но он еще не совсем закончил. Он снова заключил ее в объятия, крепко сжал и прошептал ей на ухо: "Знаешь, Марсия, ты и вправду особенная?"

Это были не совсем те слова, которые она хотела услышать, но их было достаточно, чтобы заставить ее сердце расшириться.